

УДК 821. 162.1
ББК 84(4Пол)
К63

Серия «Шедевры фэнтези»
Jacek Komuda
IMIĘ BESTII. HEREZJARCHA.
HISTORIA ŻYCIA FRANCOIS VILLONA,
CZYLI DZIEJE POETY I MORDERCY
Публикуется с разрешения автора и при содействии
Владимира Аренева и Сергея Легезы

Перевод с польского: *Сергей Легеза*

В оформлении использована иллюстрация
Михаила Емельянова
Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Подписано в печать 11.02.2019.
Формат 84 × 108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 35,28.
Печать офсетная. Бумага типографская.
Гарнитура Mysl
Тираж экз. Заказ № .
Изготовлено в 2019 г.
Произведено в Российской Федерации
Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008)
58.11.1 — книги, брошюры печатные
ТР ТС 007/2011

Copyright © by Jacek Komuda.
© Сергей Легеза, перевод, 2019
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ИМЯ ЗВЕРЯ

История жизни
Франсуа Вийона,
или Деяния поэта и убийцы

Коль после нас еще вам, братья, жить,
Не следует сердца ожесточать:
К тому, кто может жалость проявить,
Верней снисходит Божья благодать.
Нас вздернули, висим мы — шесть иль пять.
Плоть, о которой мы пеклись годами,
Гниет, и скоро станем мы костями,
Что в прах рассыплется у ваших ног.
Чужой беды не развести руками,
Молитесь, чтоб грехи простил нам Бог.¹

Франсуа Вийон. Баллада повешенных

¹Все стихи Франсуа Вийона даны в переводе Ю. Кожевникова.

ДЬЯВОЛ В КАМНЕ

Милосердие и виселица

В подвале парижского Шатле было темно и влажно. В воздухе висел запах пота, кожи и горелой плоти. В печи пылал огонь, на углях раскалялись палаческие клещи, щипцы и прутья. Красный отблеск дрожал на стенах, выхватывал из тьмы стул ведьмы, дыбы, покрытые каплями воска и рыжими пятнами крови. Отражался от лица, венчающего статую «нюрнбергской девы», выделяя темные пятна дыр на месте глаз у жуткого бронзового саркофага. Под потолком сквозняк покачивал цепи страпада.

— Маргарита Гарнье,— голос Робера де Тюйера, заместителя прево, звучал глухо,— верно ли, что ты жестоким способом, с помощью дьявола и колдовства убила купца Анри Вермили, жака Эдуара де Ними, священника Жюстена Боссюэ и других добрых парижских граждан?

— Милосердия, господин...

Маргарита лежала на палаческом столе. Свет факела ложился на ее худое тело, выгнутое дугой, на ее небольшую, напряженную грудь и кустик волос там, где сходились ноги.

— Это не я! Это не я, благородный господин... Не...

— Тяни! — обронил Робер де Тюйер мастеру Петру Крутивороту, который с раззявленным ртом тарачился на допрашиваемую. С его нижней губы свисали нити слюны. Палач кивнул помощнику. Защелкали шестерни, когда они вдвоем нажали на рукоять. Веревки растянули Маргариту на столе, прижимая ее тело к острым ежам под спиной. Деревянные иглы окрасились кровью. Маргарита завывала.

Де Тюйер кивнул Петру Крутивороту. Палачи замерли.

— Маргарита Гарнье, признаешься ли ты в убийствах, совершенных в Париже начиная с кануна дня святого Иоанна прошлого года и до Зеленых Святков?

— Не-е-ет! Это не я-а-а! Не я! — крикнула девушка. — Помогите... Пощады...

— Писарь, пишите. Не признает вину, несмотря на использование стола.

Перо заскрипело по бумаге.

— Мастер Петр, время для испытания водой.

Темные глаза Маргариты расширились, когда Петр Крутиворот подошел к ней с ржавой лейкой. Помощник приволок ведро с водой, а палач приложил инструмент ко рту жертвы. Это сломало обвиняемую. Маргарита дернула головой, а когда Петр ухватил ее за подбородок, прошептала:

— Признаюсь... во всем... Во всем. Слышите-е-е-е-е!

— Писарь, пишите. Обвиняемая признает вину!

Перо заскрипело в книге...

— Маловато она выдержала, куманек, — прошептал Крутиворот одному из прислужников. — Говорил же, как дойдем до испытания водой — запоем соловьем.

— Маргарита Гарнье, признаешься ли ты, что с помощью колдовства и дьявольской отравы устроила смерть семи парижских мещан, шлюхи и нищего? — спросил низкий, толстый человек в испятнанной куртке.

— Признаюсь...

— Продала ли ты душу дьяволу, чтобы тот помог тебе приносить больше страданий твоим жертвам? Призывала ли ты черта, чтобы подписать с ним договор?

— Признаюсь...

— Общалась ли ты с дьяволом и злоумышляла ли с ним погибель богобоязненных христиан? Подписала ли ты договор с дьяволом своей месячной кровью?

Петр Крутиворот взглянул на вопрошающего. Сплел руки и сжал кулаки, словно хватал черта за глотку. Заместитель префекта знал этот жест — именно таким образом парижский палач душил ведьм, которые перед сожжением отрекались от дьявола.

— У меня больше нет к тебе вопросов, — остановил Тюйер вопрошания чиновника. — Палач, ослабь веревку.

Петр Крутиворот поднял стопы, медленно ослабляя веревки, — в противном случае боль возвращаемых на место суставов оказалась бы страшнее, чем причиненные ранее мучения. Маргарита заплакала, слезы потекли по ее щекам. Робер де Тюйер сжал кулаки.

— Милосердие приказывает мне предупредить тебя, что после признания тебя ждет только виселица.

Отвернулся и двинулся к двери. Чувствовал на себе взгляд Петра Крутиворота. Он не совсем понимал,

отчего палач глядит ему вслед столь внимательно. Подошел к седобородому старику в плаще с капюшоном.

— Мои поздравления, благородный Робер,— сказал седобородый.— Теперь уже не только закон, но и Бог на вашей стороне.

— Не делайте из меня дурака, мастер Гийом.

Они вышли из душной комнаты в коридор. Крысы пискнули, убегая из-под их ног. Де Тьюер вынул из держателя факел и повел старика сквозь мрак тюрьмы.

— Как и вы, я прекрасно знаю, что она невиновна,— сказал заместитель прево.

— Тогда к чему эта трагикомедия?

— Выпустите меня! Выпустите! Я... Нет! Я... Выпустите! — выл узник в камере, мимо которой они шли. Обеими руками он вцепился в решетку, словно хотел выломать ее из стены.

— Эти девять убийств потрясли город. Толпа кипит, нам грозят волнения и самосуды. Дело дошло до короля. Я не мог больше ждать...

— Бросаете Маргариту Гарнье на потеху толпе? А что, если вы ее повесите, а Дьявол с Мобер¹ ударит снова?

Гийом поймал неподвижный, безразличный взгляд двоих детей, сидящих на гнилой соломе в одной из камер. Заместитель прево молчал.

— Если уж его милость прево, отряды ночных и дневных стражников, прокуроров и доносчиков, шлюх, корчмарей и шпииков, оплачиваемых Шатле, не

¹ *Площадь Мобер* — площадь в Латинском квартале Парижа, первоначально (XII век) предназначавшаяся для публичных проповедей; в частности, здесь выступал Альберт Великий, учитель Фомы Аквинского. Позже стала местом публичных казней.

в силах схватить убийцу, то чем поможет вам капеллан из коллегии святого Бенедикта? Я слишком стар, чтобы гоняться за этим... дьяволом по закоулкам, и я лучше промолчу о том, чем бы закончилась для меня вооруженная схватка. У меня стреляет в костях, а первая же девка с Глатиньи¹ опрокинет меня и щелчком по носу.

— Ну-ка, ублюдки! Отойти от решетки! Вон! — драл глотку толстый служка из Шатле, лупя кнутом по рукам, протискивающимся сквозь решетки камер.

Гийом споткнулся о человеческий череп, который с плеском упал в лужу.

— Вся моя надежда — на ваш разум, мастер Гийом,— сказал заместитель префекта.

Они вышли к лестнице и через несколько шагов встали перед низкой окованной дверкой, охраняемой стражей. Робер де Тюйер кивнул слугам. Те отворили дверь.

— Вот и ваш узник, мастер.

Старик заглянул заместителю префекта прямо в глаза.

— Я не обещаю вам чуда. Сделаю лишь то, что в моих силах.

— Да поможет вам Бог!

— Полагаю, Божья помощь вам весьма пригодится,— прошептал Гийом.

Вошел в камеру. В маленьком затхлом помещении, освещенном лампадкой и полосой света, проникающего через зарешеченное окошко, был только один узник.

¹На улице Глатиньи в Париже находились официальные, разрешенные еще Людовиком IX Святым, публичные дома.

Высокий худощавый мужчина, прикованный к цепям, свисающим со стены, одетый в короткую бургундскую робу и дырявые пулены с задранными носками. Могло ему быть как тридцать, так и двадцать восемь, а то и все сорок лет. На лице виднелись шрамы, на лбу их было даже несколько.

— Вот он, Франсуа Вийон,— спокойно сказал Гийом.— Ублюдок парижской шлюхи, которого тридцать лет назад я нашел брошенным у водопоя Обрёво де Пари, где шлюхи с Глатиньи, Сите, Шапо и Шам-Флори¹ оставляют нежеланных детей. Вот он, Франсуа Вийон, за чье учение я немало заплатил. Который стал бакалавром, а потом и лицензиатом свободных искусств... И обокрал собственную коллегия!

Преступник поклонился настолько, насколько позволяли ему цепи.

— Мастер Гийом, вы меня пристыдили...

— Вот он, Вийон, автор мрачных стишат,— продолжал Гийом,— которого вскоре выведут в поле и повесят между небом и землей. Высоко же ты забрался, как для лицензиата Латинского квартала, и отправишься на самый верх виселицы Монфокон!

— Однако твое присутствие позволяет предположить, что исполнение приговора отложено, а парижские вороны не получат на пир моих останков. Разве не так, мастер?

— Твой последний проступок куда серьезнее, чем когда ты поссорился с клириком Сермуазом и ударил его ножом в горло. Хуже, чем ограбление Наваррско-

¹Шам-Флори свое имя получил от иносказательного названия рая.

го коллежа. Ты превысил меру. После убийства Франсуа Фербура ты, вместо того чтобы ходить по девкам в Сите, сам будешь трахнут деревянной любовницей на Гревской площади.

— Пфе,— фыркнул Франсуа.— Тоже мне новость. Не верю. Поэтов вот так сразу, только ради каприза пары жирных мещан, не вешают.

— Уж тогда ты сплетишь рифмы для воронья, мой виршеплет. Присоединишься к достойной компании — к Коле де Кайё¹, Ренье де Мотини², Димашу де Лу и остальной компании Беспутных Ребят! Все уж заждались тебя на виселице Монфокон.

— Разве что, мастер...— Вийон сделал драматическую паузу.

— Я в последний раз вытаскиваю тебя из петли! — рывкнул Гийом.— Я дал тебе свою фамилию не для того, чтобы ты марал ее во Дворе Чудес да по публичным домам, но чтобы ты стал уважаемым жителем этого города.

— Вы говорите одно и то же всякий раз,— парировал Вийон.— Повторяете, словно риторические фигуры. Эх, Катона бы вы этим не обрадовали.

— Молчи, дурак, и слушай. Есть шанс, что парламент заменит тебе веревку на изгнание.

— Что ж, мещане оценили очарование моей болтовни?

— Нет, Франсуа... Добрые граждане этого города поручают тебе определенную... работу.

¹Один из Беспутных Ребят, банды, к которой принадлежал Франсуа Вийон; был повешен за ограбление Наваррского коллежа.

²Сын королевского хлебопека, повешенный за участие в воровских налетах; упоминается в стихах Вийона.

— А какой будет плата?

— Твоя жизнь.

— И только-то? Ха, если честно, это куда меньше горсти сребреников, которые Шатле платит своим дубоголовым слугам. И что я должен делать?

— Ты должен отыскать Дьявола с Мобер, Франсуа. Должен найти человека, который жестоким образом убил девятерых людей.

— Но ведь это сделала Маргарита Гарнье...

— Гарнье — шлюха, которая по странному стечению обстоятельств дважды оказывалась поблизости от места убийства. Этого хватило, чтобы трибунал послал ее на пытки, а уж там она призналась во всем. Даже в том, с кем трахалась ее мать! Но убийца не она. Заместитель прево хочет швырнуть толпе, чтоб она успокоилась, простую парижскую суку. И тем самым дает тебе время отыскать убийцу.

— А если я откажусь?

— Тогда через несколько дней тебя повесят.

— Вот так выбор. Ха, но лучше такой, чем никакого. А собственно, отчего убийцу зовут Дьяволом с Мобер?

— Таким именем назвал его люд Парижа. *Flamboyant!* Огненный сатана, у чьих жертв черные от адской сажи лица. Первое тело нашли подле площади Мобер, а потому его так и прозвали: Дьявол с Мобер.

— А кто-нибудь его видел?

— Найдешь как минимум сотню человек, которые его лицезрели. Но их показания противоречивы. Сходятся в одном: ходит он в черном и убивает итальянским стилетом.

— Что известно об обстоятельствах убийств?

— Убил уже девятерых. После каждого убийства находят скрюченное тело. Все трупы имеют след от удара стилетом. Обычно — смертельные раны.

— Заметили еще что-то странное?

— Как я и говорил, у жертв почерневшие лица.

— Означает ли это, что Дьявол с Мобер использовал яд?

— По крайней мере, для инквизиции это доказательство, что в убийствах замешан дьявол.

— Кем были убитые?

— Первый труп нашли в прошлом году, в канун ночи святого Иоанна. Был это нищий по прозвищу Кроше, Вязальщик — его нашли неподалеку от Латинского квартала, подле площади Мобер, там, где покупают хлеб, скрюченного и с почерневшим лицом. Через пару недель — новый труп: на этот раз подле улицы де ля-Арп. Был это Анри Вермили, богатый ростовщик из Сите. Следующей жертвой стала некая Гудула, старая шлюха, дожидавшаяся пьяниц на Шам-Флори в парфий святого Жермена из Осера. Ну, в ее возрасте уже не соблазнишь жаков на улице Глатиньи и не станешь трахаться под трактиром «Под Толстушкой Марго». Потом, на мартовские иды, погиб каноник Боссюэ, капеллан из церкви в Сан-Мари, искавший утех в Трюандри.

— Нищий, шлюха и каноник. — Вийон глянул в окошко на панораму Парижа. Вдали, над кривыми домами и грязными мазанками, тянулись в небо башни собора. — Славная компания. Убийца умерщвлял их не ради добычи, это уж точно.

— Очередной труп появился вскоре после мартовских ид. Был это Этьен Жаккард, нувориш из квартала

